

Рассказ о дочери Ка'ба в поэме «Илахи-наме» персидского суфийского поэта 'Аттара

Л. Г. Лахути

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9944-4127>, e-mail: lahuty@gmail.com

Резюме: Раби'а, дочь Ка'ба, кратко упоминается в антологии 'Ауфи «Лубаб ал-аубаб» как талантливый поэт, темой многих стихотворений которого были любовь и *шахид-бази* – созерцание прекрасных отроков, приводящее к внутреннему созерцанию красоты их Создателя. Персидский суфийский поэт XII–XIII вв. Фарид ад-Дин 'Аттар посвятил Раби'и самый длинный из рассказов, входящих в его маснави. Была ли история любви и смерти дочери Ка'ба в маснави «Илахи-наме» заимствована 'Аттаром из какого-то ныне утраченного источника или она стала нарративным развертыванием сообщения 'Ауфи, установить не удастся. В статье обсуждаются особенности рассказа 'Аттара, его место в структуре поэмы и возможные исторические соответствия. Основную часть статьи составляет филологический перевод рассказа, снабженный обширным историко-филологическим комментарием.

Ключевые слова: персидская поэзия; 'Аттар; суфизм; дочь Ка'ба, земная и мистическая любовь

Для цитирования: Лахути Л. Г. Рассказ о дочери Ка'ба в поэме «Илахи-наме» персидского суфийского поэта 'Аттара. *Ориенталистика*. 2020;3(1):207–246. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-1-207-246.

A story about the Daughter of Ka'b from the Masnavi *Ilahi-nameh* by the Sufi Persian poet Farid ad-Din 'Attar

L. G. Lahuti

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9944-4127>, e-mail: lahuty@gmail.com

Abstract: Ka'b's daughter Rābi'a is briefly mentioned in the poetical anthology *Lubāb al-awbāb* by 'Aufi as a brilliant poet. A subject of the majority of her poems was love and *šāhid-bāzī*, i.e. gazing at the beauty of youths, which brings the spectator to internal contemplation of the beauty of the Creator. 'Attar, a Persian Sufi poet (12–13 cent.),

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

dedicated to the love and death of Rābi'a the longest story in his *Masnavis*. So far it has not been ascertained whether it was based upon a certain source, which has not survived until the present day, or whether it was a development of the account by 'Aufi. The first part of the article contains an analysis of the story about daughter of Ka'b in the *Ilahi-nameh*, its place within the structure of the poem as well as discusses its possible historical background. Then a line-by-line translation in Russian is provided, together with an extensive historical and philological commentary.

Keywords: Iran, poetry of, Middle Ages; Attar, Farid ad-Din (1145–1221); Sufism; Rābi'a, daughter of Ka'b, story of, earthly and mystical love

For citation: Lahuti L. G. A story about the Daughter of Ka'b from the *Masnavi Ilahi-nameh* by the Sufi Persian poet Farid ad-Din 'Attar. *Orientalistica*. 2020;3(1):207–246. (In Russ.). DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-1-207-246.

Введение

Рассказ о Раби'и¹, дочери Ка'ба, входит в предпоследнюю, двадцать первую главу – «Беседу» суфийской поэмы-маснави 'Аттара (ум. в 1221 г.) *Илахи-наме*. Он занимает особое место не только в *Илахи-наме*, но и во всем творчестве поэта. Это самая пространная из 265 историй в поэме: в ней 423 бейта (для сравнения: в рассказе о праведной жене – 310, в остальных поэмах есть только одна сравнимая по объему история – о шейхе Сан'ане из поэмы «Мантик ат-тайр», в ней 406 бейтов; все другие рассказы значительно короче). Но дело не только в объеме. История дочери Ка'ба насыщена гораздо более живыми, чем в других рассказах, описаниями красоты, подробными описаниями битвы, пира, цветущего весеннего сада; «от первого лица» – в любовной переписке – передается душевное состояние героев. Все это не характерно для других рассказов 'Аттара, и возникает ощущение, что здесь автор дал полную волю своему поэтическому таланту.

Истории Раби'и на уровне сюжета

В истории дочери Ка'ба переплелись любовь, война и поэзия. Это любовная повесть: в ней налицо все признаки романического любовного сюжета – внезапно вспыхнувшая страсть царской дочери к прекрасному юноше, посредничество няньки-кормилицы, тайная переписка (первое письмо Раби'и невольно хочется назвать письмом Татьяны), предательство друга, раскрытие тайны и вслед за тем – гибель влюбленных, но прежде – месть влюбленного. Это и приключенческая повесть: героиня переодетой в мужское платье отправляется на войну, где, не узнавшая никем, спасает своего раненого и окруженного врагами возлюбленного. И, наконец, это рассказ о поэте – героиня слагает стихи обо всем, что

¹ Имя Раби'а не упоминается в самом тексте 'Аттара, но, поскольку оно прочно вошло в традицию, издатель текста включил его в название рассказа, и ниже оно будет использоваться.

видит и чувствует. Ее любовь делает эти стихи настолько совершенными, что перед ними преклоняется сам великий Рудаки; но стихи, которые изливаются из ее сердца и которые она не может удержать в себе, в конечном счете губят ее.

История Раби'и в контексте поэмы «Илахи-наме»

В контексте всей поэмы история поворачивается новой гранью. «Илахи-наме» построена как обрамленная повесть, где рамочная история состоит в диалогах отца – царя и халифа – со своими сыновьями. Шесть сыновей поочередно высказывают отцу свои самые главные желания, затем следуют ответы отца, который стремится направить каждого сына от земных целей к духовным и сопровождает свой ответ многочисленными рассказами и притчами (подробнее см.: [1]). Беседы с первым сыном посвящены любви – он мечтает жениться на прекрасной царевне-пери. В ответ отец рассказывает ему о степенях любви: похоть (*šahvat*), дойдя до своего предела, превращается в страстную любовь (*'išq*); та, разгораясь, переходит в любовь духовную (*maḥabbat*), готовность отдать жизнь ради любимого, а когда эта любовь доходит до своего предела, душа исчезает в возлюбленном. «Быть жестоко убитым на пути к Возлюбленному, – утверждает отец, – намного лучше, чем оставаться в плену похоти» [2, бейты 969–973] (перевод рассказа см.: [3, с. 20]).

Многие рассказы на протяжении всей поэмы так или иначе соответствуют ступеням этой градации (подобнее см.: [4]). Так, праведная жена из первого рассказа, противостоя похоти влюбленных в нее, терпит от них многие муки – избиения, клевету, продажу в рабство. В конце повествования она избавляется от всех бед и становится подвижницей-аскетом, творящей чудеса. Ее прежние мучители наказаны тяжелыми болезнями, но она, увидев их раскаяние, прощает и исцеляет своих бывших врагов (перевод см.: [5; 6]). В следующем рассказе речь идет о страстной любви – *'išq*. Героиня рассказа страстно влюблена в юного красавца-принца. Она бежит за ним, где бы он ни появился, а когда царь приговаривает ее к казни за неприличное преследование его сына, готова с радостью погибнуть под копытами коня, которого погоняет ее любимый: «Ведь если я буду убита этой луной, – восклицает она, – то навечно пребуду живой на сем пути!» В результате «царь простил ее и отправил ее во дворец, / обновленную душой² отправил к любимому» [2, бейт 1031] (перевод см.: [3, с. 20–21]).

В конце книги тема любви возникает на новом уровне – она соответствует последней ступени в классификации отца: уничтожению души любящего в любимом. Последние Беседы посвящены желанию шестого сына стать алхимиком – с помощью волшебного «эликсира» (философ-

² Душа – в ориг. *jān*, что также может означать «жизнь».

ского камня) превращать низкие металлы в золото; он надеется, что это поможет ему и в любви. Отец же говорит ему о высшей алхимии, которая превращает земные желания души – в высокие, растворяя душу в золоте пребывания в Боге. Так, в одном из рассказов отца известный суфийский подвижник IX в. Байазид Бистами отвечает человеку, который ищет его:

«<...> вот уже тридцать лет
Как я сам хочу найти Байазида,
много искал его, но и пыли [с его пути] не увидел.
Не знаю, что с ним случилось, куда ушел,
вот уж тридцать лет, как он покинул меня.
Так умолкло в золоте его существо,
что уже тридцать лет, как он забыл о своих делах и о себе».
Тот, кто навеки исчез в золоте,
никогда не получит знания о себе [2, бейты 6795–6799].

Но чтобы достигнуть этого, говорит отец, надо «пройти три моря» – слез, огня и крови. В пример он приводит историю любви и смерти дочери царя Ка'ба.

В свете этого можно прочитать историю Раби'и как историю души, которая через любовь к земной красоте приходит к видению красоты Божественной; она гибнет в этом мире, чтобы обрести вечность в мире ином.

Можно видеть, что первые рассказы поэмы и рассказ о дочери Ка'ба закольцовывают повествование: женщины из начала поэмы, пройдя тяжелые испытания, обрели «новую жизнь» – благочестивая жена «победила похоть» и посвятила себя служению Богу, а влюбленная из второго рассказа, когда ее страсть переросла в жертвенную любовь, «получила новую жизнь» с возлюбленным. Но дочь Ка'ба, героиня последнего рассказа, соответствует уже последней стадии любви: она не получает новую, лучшую жизнь, но теряет свою земную жизнь и исчезает в том, кого любит.

Сведения о дочери Ка'ба в других источниках

В рассказе о Раби'и участвуют исторические лица – знаменитый «Адам персидских поэтов» Рудаки (ум. в 941 г.), великий суфийский шейх Абу Са'ид (ум. в 440/1049) и, наконец, сама героиня рассказа. У 'Аттара имя ее не названо, но поэтесса по имени Раби'а, дочь Ка'ба ал-Куздари (Rābi'a bint Ka'b al-Quzdārī), упоминается в поэтической антологии «Лубаб ал-аубаб 'Ауфи» (закончена в первой половине XIII в.). Согласно 'Ауфи, «дочь Ка'ба хоть и была женщиной, но мудростью (*faḏl*) превзошла мужей этого мира и была всадником обоих ристалищ и повелителем (*vālī*) обеих областей – в тазийских (арабских) стихах сильна и в персидской поэзии

весьма искусна»; многие стихи ее, по словам 'Ауфи, были посвящены любви и *šāhid-bāzī* – так называлась суфийская практика любования прекрасными юными созданиями, чья красота свидетельствовала о красоте их Создателя. 'Ауфи приводит несколько примеров ее стихов, в том числе *mulamma'* – стихотворение, состоящее из арабских и персидских бейтов [7, р. 61–62]. Этим его сообщение ограничивается. Автор первого известного сейчас поэтологического трактата Мухаммад б. Умар ар-Радуяни «Толкование риторики» (рубеж XI–XII вв.) приводит два бейта «дочери Ка'ба» (*ibnat Ka'b*) [8, с. 81]. Каких-то реальных следов описанных у 'Аттара событий, так же как исторических сведений об эмире Ка'бе и о его царстве, никому из исследователей обнаружить не удалось. По 'Аттару, он был правителем Балха, но нисба *Quzdaḡī*, приведенная у 'Ауфи, отсылает к современному Хуздару (Пакистанский Белуджистан). Не удалось установить, принадлежит ли рассказ о дочери Ка'ба самому 'Аттару или он развил какой-то из ныне утраченных источников. Однако такие источники могли существовать – если вставной эпизод с ответом Абу Са'ида на вопрос о Раби'и (см. ниже, с. 229) не домыслен автором поэмы, то ее стихи, посвященные *šāhid-bāzī*, были известны во времена старца, т.е. в XI в. Кроме того, в книге «Тайны единобожия в деяниях шейха Абу-Са'ида» два стихотворных фрагмента, которые произносит старец в своих беседах, по мнению М. Р. Шафи' Кадкани, с большой вероятностью извлечены из стихов Раби'и (см.: [9, с. 143, 353; 10, с. 353: 789–790]).

История Раби'и, явно восходящая к рассказу 'Аттара, появляется в XV в. у Джамии в «Нафахат ал-унс» [11, с. 732] и в XV в. в «Маджма' ал-фусаха» Риза Кули-хана Хидайата [12, с. 654–655]. Кроме того, последний, вдохновленный рассказом 'Аттара, посвятил Раби'и поэму «Гулистан-и Ирам» («Райский цветник») [13].

* * *

Предлагаемый перевод относится к числу филологических, его задача – отразить по мере возможности внутренние взаимосвязи («смыслы») поэмы 'Аттара, раскрыть поэтические приемы, намеки и аллюзии и описать их там, где передать их в переводе не позволяет русский язык. Перевод выполнен по изданию: [2].

ИЛАХИ-НАМЕ. БЕСЕДА 21

Сын сказал: «Советами, что ты мне давал,
одну за другой ты развязывал мои путы.

Сто моих трудностей разрешились от твоих советов,
моя медь превратилась в чистейшее золото.

Все твои слова полезны,
очень назидательны и высоки.

Но ведь желание алхимии во мне живет потому,
что от нее приходят в согласие вера и [земной] мир,

А если вера и мир соединят руки,
Будет со мной Возлюбленный всегда.

Ведь пока вера и земной мир не станут мне друзьями,
мне на помощь от Друга надежды не будет».

Ответ отца

Отец сказал ему: «Твой ум полон гордыни,
вот почему эта мысль далека от истины.

Ибо пока ты не проиграешь все доброе и все злое,
не будешь ты влюбленным, разве что метафорически.

Если ты ищешь совершенства в любви,
нужны тебе постоянно три состояния:

Первое – слезы, второе – огонь, третье – кровь.
если пройдешь через эти три моря,

Возлюбленный примет тебя за завесой,
иначе ждет тебя от возлюбленного много шипов.

А если ты не знал об этом предании,
тебе навек довольно этого рассказа».

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ: О РАБИ'И, ДОЧЕРИ КА'БА

[Величие Ка'ба, эмира Балха, и красота его сына Хариса]

Некогда Балхом правил эмир Ка'б, мудрый, щедрый, справедливый и могущественный. Подданные его были счастливы, при его дворе процветали ученые, поэты и художники, и враги не смели напасть на его царство.

У Ка'ба был сын по имени Харис, чья красота превосходила сиянием Солнце и Луну и была притчей во всем мире.

[Красота и поэтический талант дочери эмира]

Еще у него была в айване дочь,
словно душу свою любил он ее.

Звали эту сребростанную Краса арабов³,
она волновала сердца и привязывала сердца.

В ее красе собрались все красоты мира,
какую ни возьми – любой она владела.

³ Краса арабов – в ориг. *Zayn al-'arab* (араб.).

Разум перед ней приходил в безумие,
прелесть ее была сказкой во всем мире.

В любом месте кто бы ни произнес ее имя,
каждая частица его начинала сиять красотой Йусуфа⁴.

Когда молодой Месяц видел ее с небосвода,
всегда преклонял колени, подобно чангу⁵.

Когда Ризван⁶ смотрел на ее чело,
узнавал он в нем эдемский сад.

Когда волны ее локонов падали на землю,
волнение, поднявшееся из-за них, достигало небес.

В двух вазах из миндаля были у нее два нарцисса,
как два волшебника, два негритенка в ловушке⁷.

Два негритенка, у каждого по луку,
пускали они стрелы повсюду, где была [живая] душа.

Когда стрелы ее кокетливых взоров вылетали из лука,
сердца влюбленных становились мишенью.

Сахар из ее рубинов⁸ был необычайного вкуса,
потому что в ее рубинах был сахарный эликсир.

Ее уста были ларцом с влажными марваридами,
и все они были одна жемчужнее другой⁹.

⁴ Красота дочери Ка'ба была так могущественна, что даже ее имя способно было преобразить того, кто его произносит, и сделать подобным прекрасному Йусуфу (Иосифу синодального перевода Библии).

⁵ В бейте использовано «фантастическое обоснование» – прием, который Х. Риттер назвал волшебной палочкой персидской поэзии и ключом к ее пониманию [8, S. 3–4]: молодой Месяц потому принимает свою изогнутую форму, что «преклоняет колени» перед красотой; при этом он становится похожим на *чанг* – струнный музыкальный инструмент типа арфы, корпус которого своей формой напоминает человека, преклонившего колени.

⁶ *Ризван* – райский привратник, глава ангелов, охраняющих рай, видел в лице девушки красоту райского сада.

⁷ Для описания глаз красавицы использованы традиционные образы: *нарцисс* – у его цветка тычинки окружены средней частью и светлыми лепестками так же, как зрачок окружен радужной оболочкой и затем глазным белком, *миндаль*, *негритята*, *волшебники*. Таким образом, *глаза-нарциссы* словно смотрели из сосудов *миндалевидной* формы, с которыми сравниваются глаза, зрачки были черны, словно *негритята*, и обладали завораживающей колдовской силой.

⁸ *Сахар из ее рубинов* (рубиновой шкатулки) – сладостные речи, исходящие из уст красавицы.

⁹ В этом и в двух следующих бейтах для описания зубов красавицы выстраивается синонимический ряд со значением «жемчуг»: сияющие влажным блеском речные жемчужины – *марвариды* (*marvārid*), каждая из которых *жемчужнее* (*gawharīntar*), т.е. драгоценнее, другой, и *перлы* (в ориг. *marjān* – в современном значении «кораллы», но в архаичном значении, ныне редком, – «мелкий речной жемчуг»). Жемчуг скрыто присутствует и в следующем бейте (см. след. примеч.).

Лишь только показывались тридцать ее перлов-зубов,
нисаром падала к ее ногам каждая душа¹⁰.

Ее рубиновые губы были чашей с жемчугами,
напиток в них был из чистой воды Каусара¹¹.

Когда небосвод видел ее серебряный мяч,
мчался он, словно мяч без рук и без ног¹².

Красоту ее описать невозможно,
так что для меня это описание – пустая мечта.

И такого изящного дарования [ни у кого из] людей не было,
ибо что она от людей ни услышит,

Сразу все перелагала в стихи,
нанизывала, словно жемчужины.

Так она была сладкоязычна в стихах,
что в них словно был вкус ее губ.

Сердцем отец постоянно был с нею,
он с нежностью заботился о ней.

[Предсмертное завещание Ка'ба и справедливое правление Хариса]

Когда пришло отцу время умереть,
усадил он перед собою сына,

Передал ему дочь: «Смотри,
прими ее от меня и заботься о ней.

Всячески, как должно устраивать ее дела,
устраивай и сделай радостными ее дни.

Ведь у меня сватали ее знатные,
многие славные витязи и владыки –

Не отдал ее никому. Если ты сможешь,
отдай ее тому, кого найдешь достойным.

В свидетели этих слов призываю Господа,
не заставляй меня страдать и волноваться».

¹⁰ *Нисар* – жемчужины, монетки и т.п., которые разбрасывали при торжественных событиях под ноги народу или которыми осыпали невесту на свадьбе. Тем самым продолжается тема жемчуга: увидев жемчужины зубов красавицы, каждая душа падала к ее ногам, как жемчужины нисара.

¹¹ *Каусар* – водоем в раю.

¹² Сравнение сферы небосвода, кружащейся вокруг Земли, с мячом не раз встречается у 'Аттара. *Серебряный мяч* – одновременно и традиционная метафора для округлого белоснежного подбородка красавицы. Таким образом, шар небосвода приходит в такой восторг при виде «мяча» (подбородка красавицы), что кубарем, «без рук и без ног», т.е. не управляя своим движением и переворачиваясь, словно мяч, несется вокруг земли (см.: [14, сл. ст. *bī dast-u pā*]).

Сказал он сыну все, что мог,
сын принял все, что сказал отец.

Наконец милая душа покинула отца,
не знаю, для чего пришел, зачем ушел...

Много кружил он вверх и вниз, словно небеса,
пока голова его и ноги не легли в землю.

Лук Божий не в руке человека,
и никого не известят ни о приходе, ни об уходе!

Кто знает, сколько ему придется жить,
и если пришел, зачем потом надо уходить?..

Когда отец ушел в Господень чертог,
сын воссел в царском диване¹³.

Правдой и справедливостью сиял он в мире,
мир в нем обрел дыхание Нушинравана¹⁴.

Крестьянам и воинам раздал он дирхемы¹⁵,
военачальникам вручил барабаны и знамена.

Много скорбей он изгнал из голов,
многих угнетателей сокрушил.

В добре, неге и славе
как душу, берег он дорогую сестру.

Теперь послушай, этот вращающийся циркуль
какую игру сыграл и с ней, и с ним!¹⁶

[Красота Бакташа]

Был у Хариса несравненный гулям¹⁷,
доверенный хранитель всей его казны.

Звали того подобного Луне Бакташ,
не знаю, найдется ли кто подобный ему..

¹³ Диван – зд. «царский совет».

¹⁴ Сасанидский царь Хусрав Ануширван (Нушинраван) – в персидской литературе символ справедливости.

¹⁵ Дирхем – серебряная монета.

¹⁶ Вращение небосвода, посылающего людям их судьбу, сравнивается с вращением циркуля.

¹⁷ Гулям (правильно – гулам) – *gulām* (из араб. *ḡulām* – «юноша», «слуга»). Так назывались юные рабы, неременные участники придворных пиров, которые составляли царское войско и «славились как красивой внешностью, так и воинской доблестью. <...> Лучшие из таких рабов были прекрасными солдатами и искусными наездниками, играли на каком-либо музыкальном инструменте, имели утонченные манеры и могли составить приятную компанию» (Йаршатер. Тема винопития и концепт возлюбленного в ранней персидской поэзии. – Цит. по: [15, с. 44–45]).

Красотою он был чудом света,
удивительную любовь он внушал!

Его красота вошла в пословицы,
смерть сторожила томящихся по нему.

Роза старалась помедлить в глине,
если он покрывался краской смущения¹⁸.

Если показывалось отражение его лица,
начинали содрогаться росписи на стене¹⁹.

Когда его локоны-индийцы затевали битву,
казалось, что завитки-негры засели в изгибах²⁰.

Его локоны держали храбрецов в рабстве, –
вот какое богатство он сберегал!²¹

Его брови сведенными становились [еще] лучше –
это был лук, на который впервые натянули тетиву²².

Его глаза казались лакомой добычей,
ведь у них была общая краса с миндалем²³.

Ряды его ресниц сражали ряды богатырей
дождем стрел, выпущенных его бровями-[луками].

Уста его были, словно просверленный рубин²⁴,
скрывали они тридцать непорочных жемчужин.

Да, рубин его уст мог быть просверлен
только лишь алмазом его языка.

¹⁸ В бейте омографы: *gf[i]l* – «земля, глина», и *gf[u]l* – «роза». Смысл бейта: румянец красавца был ярче алых лепестков розы, и чтобы никто не увидел этого, она не торопилась показываться из земли.

¹⁹ Имеются в виду изображения различных сцен из придворной, любовной или охотничьей жизни и т.п.

²⁰ Воспеваются черные вьющиеся волосы красавца, обладающие колдовской силой. «Индийцы», «негры» (*zangī*, т.е. жители Занзибара) – иносказательные обозначения черного цвета; кроме того, в бейте используются омонимичные значения слова *čīn* – «Китай» и «изгибы, складки». Таким образом в бейте выстраивается «географический» ряд: Занзибар (*zang, zangbār*), Индия и Китай.

²¹ В оригинале: *čunān naqđi zi pas-afkanda midāšt* – в зависимости от перевода глагола *pas afkandan* возможны два понимания: богатством Бакташа были кудри, которые он сохранял отброшенными за спину, либо кудри, словно арканы, связывали и обращали в рабство влюбленных в него, и те становились его добычей.

²² В бейте намек на молодость Бакташа и сокрушительное воздействие его красоты: его сведенные брови, подобно новому луку, разили особенно сильно и метко.

²³ Намек на миндалевидную форму глаз красавца.

²⁴ Воспевается алый рот красавца, который был так мал, что только слова, сходявшие с его языка, могли пройти через него.

Его губы издавали указ о вечной жизни,
ведь от этих губ обретала жизнь вода Хизра²⁵.

О его зубах можно было бы сказать,
что в одном *миме* у него было тридцать два чудесных знамения²⁶.

Словно Йусуф он был, ты скажешь, красотой.
А что сказать о мяче его подбородка!

Сколько мне оставаться в безумии из-за его мяча!
лишь начну говорить, [сразу] умолкаю²⁷...

[Красота пиришественного сада]

Перед дворцом был великолепный сад,
во всем подобный небесному раю.

Всю ночь не спал влюбленный соловей,
пел он розе песню об извлекающем шипы²⁸.

Роза из бутона, нарядная и игривая,
рассмеялась сладостным смехом²⁹,

Вышла, словно младенец, покрытый кровью,
алая роза из зеленых пелен.

Утренний ветерок примчался, словно Зулайха,
розе он, словно Йусуфу, разорвал полу³⁰.

Словно ветер, Хизр прошел над степью:
зелень выросла, степь зазеленела³¹.

Падающая звезда и молния метнули копьа,
облако отпустило узду дождя,

²⁵ С именем Хизра, праведника и пророка, связано немало преданий; здесь имеется в виду история о нахождении им источника воды, дарующей вечную жизнь («живой воды»), скрытого в мистическом мраке.

²⁶ Маленький и округлый ротик красавца сравнивается с кружком буквы «мим» (م), а сияющие зубы – с чудесными знамениями или кораническими аятами.

²⁷ В бейте обыгрывается омонимия слова *gūy*: основа настоящего времени глагола *gufān* – «говорить» и «мяч», откуда возникает двойное значение словосочетания *čū dar gūy āmadam*: первое отражено в переводе (букв.: «когда я перешел к речам»), второе – «когда я перешел к мячу», т.е. когда попытался описать его подбородок, округлостью подобный мячу.

²⁸ Песня об извлекающем шипы, которыми ранит его роза – в ориг. *ṭarīq-i xārkaš*, «в ладе “хәркәш”». *Xārkaš* (букв.: «собирающий / извлекающий шипы») как музыкальный термин – один из старинных иранских музыкальных ладов (см.: [14, сл. ст. *xārkaš*]).

²⁹ Смех или улыбка розы означает момент раскрытия розового бутона.

³⁰ Аллюзия к сцене безуспешного соблазнения Йусуфа, который рванул из рук влюбленной в него Зулайхи с такой силой, что его одежда разорвалась.

³¹ Согласно поверью, повсюду, где проходит Хизр, вырастают зеленые травы.

Зеленые поля подставили ладони,
в каждой ладони – по сто жемчужин дождя.

Фиалка смиренно склонила голову,
коснулась она собственных ног.

Багряник, весь покрытый кровью,
пришел, готовый пролить собственную кровь³².

Нарцисс взял в руку золотую чашу,
выпил сладостное молоко дождя.

Головка тюльпана склонилась к ногам,
корона его склонилась к поясу.

Из цветника прибыли тысячи Йусуфов,
в Ханаан донесся аромат рубашки³³.

Птичий призыв зазвенел над лужайкой,
в степи от того призыва поднялось волнение.

Утренней порою мускусный ветер
словно напильником прошел по глади воды.

Не Афрасиаб ли нашел Зерех-море,
что вода от весеннего ветра оделась в кольчугу?!³⁴

Повсюду струились райские ручьи,
малейшая их капля была водою Хизра³⁵.

Свод, воздвигнутый в возглавии сада, достигал Кайвана³⁶,
перед айваном был водружен трон Хариса.

Царь Харис, подобный славному солнцу,
сидел, словно Сулайман, на возвышении³⁷.

³² *Багряник* (или иудино дерево), покрытый пурпурными цветами, словно кровью, готов принести себя в жертву красоте Бакташа.

³³ *В Ханаан донесся аромат рубашки* – отсылка к кораническому преданию: в разлуке с Йусуфом его отец, Йа'куб, живший в Ханаане, уединился в «лачуге скорбей», где оплакивая сына, ослеп. Но когда Йусуф прислал ему свою рубашку, он издали услышал ее аромат, а когда ему приложили эту рубашку к глазам, прозрел.

³⁴ *Зерех, zirih* – море (или река), через которое переправился царь туранцев Афрасиаб, спасаясь от иранского войска [16, с. 448 и далее]. В бейте обыгрывается буквальное значение этого слова – «кольчуга»: поверхность воды, покрытая рябью, сравнивается с кольчугой.

³⁵ *Вода Хизра* – см. примеч. 25.

³⁶ *Кайван* – планета Сатурн, чей путь пролегал, согласно средневековой астрономии, по верхней (седьмой) небесной сфере.

³⁷ *Сулайман* (в синодальном переводе Библии – Соломон) – в исламе пророк и царь, правивший всем миром и обладавший властью над людьми, духами, животными и ветром, который высоко поднимал трон Сулаймана и переносил его над землей.

Гулямы с руками на поясе, подобные Ориону³⁸,
каждый станом – что стройный кипарис.

Стояли рядами отважные тюрки
скрестивши руки, готовые к служению³⁹,

Воинственные верные надимы⁴⁰
в трепете опустили взоры к ногам.

Благородные [мужи] всего мира низки перед ним,
порядок в мире утверждался его высоким суждением.

От бодрствования его счастья смута уснула,
от страха перед его гневом увлажнились глаза огня.

Воинственный, как Кайван, подобный Муштари, с лицом Луны,
с талантами 'Утарида и величием Солнца⁴¹.

[Дочь Ка'ба видит Бакташа]

Но вот взошла на крышу дочь Ка'ба,
великолепие пира поразило ее.

Когда немного она огляделась по сторонам,
увидела лицо того прекрасного, как Луна⁴².

Увидела она лицо и ланиты Бакташа,
увидела его, стройного, словно кипарис в каба⁴³,

[Целый] мир красоты был дарован его лицу,
вся красота, словно у Йусуфа, была долей⁴⁴.

Виночерпием стоял он перед царем,
длинные локоны спадали до земли.

От хмеля его лицо раскраснелось, что гранат,
ресницы стали шипами для глаз влюбленных [в него].

³⁸ *Руки на поясе* – знак готовности к служению. *Подобные Ориону* – образ основан на форме созвездия: это большой удлинённый неправильный четырехугольник, посредине которого под небольшим наклоном расположены еще три звезды, образующие «пояс». Орион имеет «вид человека, опоясанного мечом» [17, с. 68].

³⁹ *Скрещенные на груди руки* – знак покорности.

⁴⁰ *Надимы* – собеседники и телохранители царя.

⁴¹ *Кайван*, *Муштари* и *'Утарид* – планеты Сатурн, Юпитер и Меркурий соответственно; *лицо Луны* – светлое и сияющее, словно Луна; *'Утарид* в традиционной астрологии – небесный письмоводитель; его свойствами считаются знание, мудрость и красноречие.

⁴² *Прекрасный, как луна* – в ориг. *māh-rāra*, букв.: «кусочек луны», одно из принятых в поэзии обозначений красавца или красавицы.

⁴³ *Каба* – верхняя мужская одежда.

⁴⁴ *Вся красота, словно у Йусуфа, была его долей* – представление о Йусуфе как обладателе львиной доли красоты, распределенной между всеми людьми мира, было типичным и для комментаторской литературы, и для поэзии.

Расточал он сахар из источника сладости⁴⁵,
ронял [капельки] испарины с Луны на Парвин⁴⁶.
То, хмельной, наполнял он чашу,
то радостно играл на рубаб⁴⁷.
То издавал он трели, словно соловей,
то наливал вино из кувшина.
Когда девушка увидела его лицо столь прекрасным,
сердце отдала безвозвратно каждой частице его существа.
Вспыхнул быстро огонь ее любви,
полностью разграбил всё, что у нее было.
Так этот огонь опалил ее душу,
что тело уже не помнило о себе.
Сердце ее влюблено, душа – приговорена,
все ее бытие стало небытием.
Из двух нарциссов, словно из тучи, хлынула кровь⁴⁸,
в одночасье целый поток она пролила.
Любовь вырвала ее с корнем,
и словно приковала ее [к любимому]⁴⁹.
Так она из-за одного взгляда попала в его силки,
что ночью от нее бежал сон, днем – покой.
Так неисцельна стала та целительная,
что совсем она потеряла голову⁵⁰.
Всю ночь лила кровавые слезы и стонала,
вновь и вновь вспыхивала, словно свеча.
От обилья огня, что ниспал в ее душу,
словно хмельная, она не помнила себя.

⁴⁵ Сахар из источника сладости – прекрасные мелодии, издаваемые устами красавца.

⁴⁶ Ронял [капельки] испарины с Луны на Парвин – считалось, что испарина, капельки пота, умножали красоту лица. Парвин – Плеяды, скопление из семи (иногда считается, что шести) ярких звезд в созвездии Тельца, красота которых часто воспевалась поэтами. Астрономически Плеяды и Луна связаны тем, что они служат третьей «стоянкой» Луны. Луна здесь метафора чела, а Парвин – зубов, влажный блеск которых – также примета красоты.

⁴⁷ Рубаб – струнный щипковый музыкальный инструмент типа лютни.

⁴⁸ Из глаз красавицы, подобных нарциссам, полились кровавые слезы.

⁴⁹ Приковала – в оригинале названа пытка *ṣahār-mīx* – «четыре гвоздя», состоящая в том, что руки и ноги человека прибавали гвоздями к деревянной крестовине или стене. Иносказательно передает состояние неподвижности, «пригвожденности» к чему-либо.

⁵⁰ В оригинале фразеологизм: «головы от ног не отличала».

Коротко говоря, из-за горя и печали
такая луна за год стала больной.

Харис привел врача, но что пользы!
ведь ту болезнь не вылечить лекарством.

Разве для такой боли найдется лекарство!
ведь только от любимого примет лекарство душа.

[Дочь Ка'ба признается кормилице в своей любви к Бакташу]

В покоях у девушки была нянька,
искусная во всяческих ухищрениях.

С сотней уловок выпрашивала она у луноликой,
мол, что с тобой, доченька? Скажи правду!

Конечно, не признавалась та луна,
но потом решила и заговорила:

«Я в такой-то день увидела Бакташа,
[чьи] локоны и лицо сжигают душу и озаряют сердце.

Словно хмельной, прижимал он рубаб,
у меня из-за него, словно у рубаба, руки на голове⁵¹.

Когда начал он петь *сабзаранг*⁵²,
от того напева птицы воспарили.

А полились напевы *сабзаранг* и *гульзар*,
тут даже и розы словно захмелели⁵³.

Ударом смычка в том ладе, который выбрал,
он «противника» делал «усмирненным»⁵⁴.

⁵¹ С этого бейта начинается фрагмент, в котором многие слова имеют второе значение, связанное с музыкой. Таким образом, признание влюбленной девушки словно сопровождается музыкой (такая игра двойными значениями слов называется в персидской поэтике «ихам»). *Руки на голове* – иносказание растерянности, печали, беспомощности [14, сл. ст. *dast bar sar*). Возможно, сравнение формы рубаба с видом человека, схватившегося за голову. Также см. примечания 52–56.

⁵² В этом и следующих шести бейтах названы старинные иранские мелодии, упоминающиеся в средневековых словарях. *Сабзаранг* (прибл. «зеленого цвета», «зелень») – одна из мелодий Барбада (Dihxudā: «sabzārang»). Возможно, это вариант названия песни *sabz dar sabz* – «зеленый в зеленом», упоминаемого в «Шах-наме» Фирдоуси [18, с. 483].

⁵³ *Гульзар*, *gulzār*, букв.: «розовый цветник» – название мелодии, перекликающееся с упоминанием роз (*gul*) во втором полустишии.

⁵⁴ *Противника делал усмирненным*. – В ориг. *tixālif-rā kard rag rāst* – «делал противнику жилы прямыми», в переносном значении: «усмирял». «Лад» – в оригинале *rāh*, в общем значении «способ», «путь». «Противник» (*tixālif*) и «усмирненный», иначе – «прямой», «правдивый» (*rāst*) – одновременно названия музыкальных ладов «мухалеф» и «раст»: играя на рубабе, Бакташ приносит общее примирение.

Если противник и не бывает усмирен в этом мире,
в том ладе он примиряет верхнюю струну и нижнюю.

Сердце мое противится мне, что я поделаю,
не сладить мне с этим ладно играющим!

Теперь я стала смятенной скиталицей в мире,
ведь я теперь из людей “завесы влюбленных”!⁵⁵

Когда услышала я от этого удальца песню,
из глаз своих я за завесой я пролила реку⁵⁶.

Любовь к нему меня заставила забыть о себе!
сто лет горя принесла мне она.

Так его локоны разметали мою жизнь⁵⁷,
что погубило все, чем я владела.

Так опоясали меня кольца его локонов,
что сердце кровотоцит, а печень иссохла.

Я потому так больна и беспомощна,
что знаю я, что цены ему я не знаю.

Никто не сравнится с Бакташем красотой,
никто не может быть лучше его.

Если можно говорить об этом кипарисе,
зачем говорить о ком-то другом?!

Его подбородок – серебряный мяч,
изгиб его локона – мускусный чауган,

Если его чело – серебряное ристалище,
разве нельзя назвать чауганом⁵⁸ его локон?!

⁵⁵ «Люди “завесы влюбленных”» – *ahl-i parda-yi 'uṣṣāq*, влюбленные, которые отделены от остального мира и допущены в святилище любви – «за завесу». Одновременно здесь продолжение музыкальной темы: *parda-yi 'uṣṣāq* – «лад влюбленных», название музыкального лада *ушшак*, отсюда – второе значение строки: «я из людей лада *ушшак*». См. следующее примеч.

⁵⁶ В оригинале второе полустушие: *zi ḥaṣm-am sāxtam dar parda rūd-ī* букв.: «из глаз своих я создала реку». В бейте трижды использованы двойные значения слов: «удалец» – *sarkaš*; одновременно Саркаш – имя соперника Барбада, другого придворного музыканта шаха Хусрава Парвиза; «завеса», *parda*, отделяла женскую часть дома, и одновременно «парде» – музыкальный лад. *Река*, *rūd*, во втором значении – «руд», струнный музыкальный инструмент, или «напев, мелодия».

⁵⁷ *Так его локоны разметали мою жизнь <...>* – В оригинале *ḥunān zulf-aš pariṣān kard ḥāl-am*, букв.: «так его локоны сделали смятенным мое состояние». *Parīṣān* – «смятенный», «разметанный», «растрепанный» – обычный эпитет для кудрей кумира и состояния влюбленных.

⁵⁸ *Чауган* – изогнутая клюшка для игры в конное поло, традиционное сравнение для локона.

Такое ристалище, тот изогнутый чауган...
не взять мне мяч его подбородка!

Когда он делает из локона чауган,
голова моя кружится, словно мяч.

Когда появляется его сияющее лицо,
каждая его частица становится сотней лун.

Когда гало является на месяце его ланит,
Новая Луна рыдает от горя⁵⁹.

Когда его локоны – похитители сердец – завиваются в кольца,
каждым их кольцом сотня душ опоясывается [для служения].

Нашли темное пристанище обитатели его нарциссов,
потому они стали затворниками в его собрании⁶⁰.

Что за волшебники его глаза!
Весь мир околдовывают его кудри!

Когда стрелы его взоров вступают в дело,
От страха перед ними копьё и дротик остаются за поясом.

У его тридцати зубов – острые копыя,
вот его губы и улыбаются в моей крови⁶¹.

Увидев его раковину и те редкостные жемчужины⁶²,
серебро оказалось не в силах восхвалить их.

Его рот – крохотная смеющаяся фисташка,
в которой ядрышками – его зубы⁶³.

⁵⁹ Юношеский пушок на лице красавца сравнивается с гало (ореолом) Луны: этот ореол настолько превосходит своей красотой лунный, что молодая Луна рыдает в зависти.

⁶⁰ Воспеваются черные глаза Бакташа: «нарциссы» – обычная метафора для глаз, человек глаза – для зрачка. Таким образом, зрачки Бакташа, окруженные темным «ободом», сравниваются с затворниками-аскетами, уединившимися в темной келье.

⁶¹ Копья — в оригинале *хаṭī*. Образ строится на двойном понимании слова *хаṭī*: его можно интерпретировать и как «копье», и как *хаṭ* («указ») с выделительным артиклем *ī*. Тогда перевод первого полустихия будет: «Указ [пролить мою кровь] получили тридцать его зубов». В любом случае второе полустихие («вот его губы и улыбаются в моей крови») содержит намек на алые, как кровь, губы красавца.

⁶² С раковинной и жемчужинами в ней сравниваются рот и зубы Бакташа.

⁶³ Сравнение улыбающихся губ с полукрытой фисташкой традиционно для персидской поэзии. «Ядрышки» – в оригинале *ka'batayn* – две косточки-кубика для игры в нарды; здесь имеются в виду *si-panj-i ka'batayn* – тридцать (букв. «трижды по пять пар») косточек для нарда [14, сл. ст. *si-panj-i ka'batayn*].

Когда он являет смеющееся утро на табашире [зубов],
табашир обретает природу кости⁶⁴.

У его губ больше ста тысяч рабов,
все они животворней, чем вода Хизра⁶⁵.

[Вязь] его зеленого пушка – истинный [указ],
полностью защищенный от приказа о прекращении⁶⁶.

Его губы весь мир держат под [властью] печати,
небосвод – под его седлом тридцатизвездным⁶⁷.

Из-за этого его яблока я просыпаю на айву
из еловой шишки гранатовые зерна⁶⁸.

Раз нет мне свободы от этого стройного кипариса,
айвою стало мое лицо, и нет мне надежды на лучшее⁶⁹.

Печаль из-за стрелы его стана каждый миг
натягивает меня, словно лук тетиву.

Теперь, няня, встань и пойди,
стань посредницей между этими двумя прекрасными.

⁶⁴ *Табашир*, т.е. белые кристаллические отложения (конкреция) в междоузлиях бамбука, используется как лекарство, в частности «укрепляющее и веселящее сердце»; это лекарство изготавливают, подмешивая в него жженые кости [14, сл. ст. *ṭabāšīr*]. Может также означать «тростниковый сахар». С белизной табашира в поэзии сравнивают «улыбку любимого» и «рассвет», распространено генитивное сравнение «табашир рассвета». Смысл бейта: когда белые зубы прекрасного Бакташа открываются в улыбке, наступает светлое утро, и именно это придает табаширу его сходство с белой костью.

⁶⁵ *Вода Хизра* – см. примеч. 26.

⁶⁶ Бейт построен на двойных значениях слов, одно из которых относится к каллиграфии, соответственно: *xaṭ[t]* – «пушок» и «почерк», «указ»; *muḥaqqaq* – «истинный», «беспорный» и название почерка «мухаккак»); *nasx* – «сокращение», «аннулирование», «отмена» и название почерка «насх». Все эти значения перекликаются в бейте: письма зеленого, т.е. юного, пушка – это указ о всевластии его красоты, написанный почерком мухаккак (использовавшимся для декоративных оформлений); красота пушка неуваждаема, а его «почерк» на лице красавца не превратится в *nasx* (обычный строгий почерк, без украшений).

⁶⁷ *Держать ч.-л. под печатью* – «властвовать над ч.-л.»: губы красавца сравниваются с печаткой из драгоценного камня в перстне, дающей власть над миром. *Тридцатизвездное седло* – рот красавца и его зубы, сверкающие, подобно звездам.

⁶⁸ Смысл бейта: из-за подбородка красавца, подобного серебряному яблоку, на щеки девушки, пожелтевшие от тоски по любимому, как айва, проливаются кровавые слезы, подобные гранатовым зернам; слезы проливаются из сердца, имеющего коническую форму еловой шишки.

⁶⁹ Героиня рассказа – поэт, и в ее речах нет ни одного стиха без поэтической игры, связывающей между собой формы и смыслы слов. Так и здесь слово «свобода» (*āzādī*) напоминает о традиционной метафоре для стройного красавца: «свободный кипарис» (*sarv-i āzād*), а слово «айва» (*bih*) не только говорит о пожелтевшем (желтизна лица в персидском – аналог бледности) в разлуке лице влюбленной, но и созвучно слову «исцеление», «благоденствие» (*bihī*).

Пойди и Расскажи ему эту историю,
заложи основу любви этих двух любимых.

Открой ему эту тайну, и если он разгневается,
сотней душ мое сердце примет его [гнев].

Теперь соедини нас двоих, да так,
чтобы не знал о том никто из мужчин и женщин».

[Письмо дочери Ка'ба Бакташу]

Сказала это и выпустила из рук доброе имя,
Написала письмо кровью сердца:

«О ты, что сокрыт и [все же] рядом – где ты?⁷⁰
Ты не в моих глазах, так где же ты?

Свет в моих глазах – от тебя,
в сердце моем “знакомство” – от тебя⁷¹.

Приди и сделай своими гостями мои глаза и сердце,
а если нет – возьми меч и отними мою душу.

Изо всего, что ни есть на свете,
осталась мне лишь половинка души⁷².

Как же мне эту половинку души не отдать тебе!
ведь без тебя мне и сотни душ не надо.

Ты забрал мое сердце, и будь у меня их тысяча,
не было бы у меня иного дела, чем бросать их к твоим ногам.

Не оторву от тебя сердце ни на миг,
ведь не оторвать мне сердце от забравшего сердце⁷³.

Боль любви к тебе я храню в душе,
язычеству твоего локона вверяю веру⁷⁴.

Без тебя у меня нет ни сердца, ни веры,
как же ты оставляешь меня такой беспомощной?!

⁷⁰ *Сокрыт [и все же] рядом...* – в ориг *ġāib-i hāzīr*, букв.: «сокрытый присутствующий». Соединены два эпитета, обычно относимые к Богу.

⁷¹ *Свет в моих глазах* – речь идет о свете, который, согласно средневековым медицинским представлениям, дает глазам возможность зрения. *В сердце моем ‘знакомство’ – от тебя* – аллюзия к концепции о предвечном *знакомстве (āšnā’ī)* души с Богом, которую она в дольнем мире утрачивает, но сохраняет воспоминания о ней и стремится обрести вновь. Смысл второго полустишия: «мое сердце от предвечности знало тебя».

⁷² *Половинка души – nīm-jān*, едва живой от немощи, страха и пр.; «находящийся при последнем издыхании»; также иносказательно – «влюбленный» [14, сл. ст. *nīm-jān*].

⁷³ *Забравший сердце – dilbar*, словарное значение «возлюбленный», «привлекательный».

⁷⁴ В метафорическом языке персидской поэзии черный вьющийся локон часто бывает представлен как язычник, иноверец, ходящий «кривыми путями» [19, с. 96, 111].

Без твоего лица динару подобно мое лицо,
от любви к твоему лицу я обратила лицо к стене⁷⁵.
Увидела тебя, которому равных не видела,
подобного тебе кипарисостанного не видела.
Если придешь ко мне, я спасусь,
а если нет – умчусь [и обойду] все края.
Каждый палец сделаю светильником,
стану искать тебя во всех степях, на всех путях⁷⁶ –
Не появишься ли ты передо мной, как свеча,
а нет – считай меня угасшей, как светильник».
Написала это письмо и потом начертала
образ свой, подобный луне.
Дала [письмо] няне, чтобы няня пошла –
к тому луноликому любимому пошла.

[Бакташ влюбляется в дочь Ка'ба и передает ей признание в любви]

Когда увидел он ее изображение и прочел стихи,
от изящества ее дарования и стихов пришел в изумление.
Мгновенно сердце его ушло из рук,
пришла любовь, и сердце облилось кровью.
Морское чудище любви вмиг одолело его,
его грудь и пола сделались морем крови⁷⁷.
Без ее лица таким стало для него лицо мира,
что, ты сказал бы, не видел он ни неба, ни земли.
Словно мяч – без рук без ног, несчастный –
шапка на ногах, туфли на голове...
Сказал он няньке: «Встань, о сладкоречивая,
пойди к той кумироликой и от нас ей скажи:
“Нет у меня глаз, чтобы видеть твое лицо,
нет у меня терпения, чтобы без тебя быть в покое.
Что мне теперь делать без тебя?!
Не могу нести такую боль без тебя!

⁷⁵ Лицо девушки, пожелтевшее от горя, уподобилось цветом золотой монете – динару. Быть повернутым лицом к стене – иносказание покинутости, беспомощности.

⁷⁶ Каждый палец сделаю светильником... – возможна аллюзия к рассказу из поминания Раби'и Адавиййа: «Передают, что однажды Хасан с друзьями пришли к Раби'е. У Раби'и не было светильника, а им нужен был свет. Раби'а дунула на свои пальцы, и до расвета ее пальцы были светильником [20, с. 67 (пер. Н. Ю. Чалисовой)].

⁷⁷ Обильные кровавые слезы залили всю одежду влюбленного.

Словно твой локон, я прорвал завесу⁷⁸,
потому что я влюблен в твое лицо.
Потому твой локон меня всего перевернул,
что моя жизнь теперь связана твоим локоном.
Не видел я тебя, как же ты вошла в мою душу?
Сердце мое исчезло, теперь в моей крови – ты.
Теперь ты скрыта в моей душе,
зачем ты жаждешь крови моей души?!
Не обманывай меня, словно ранняя заря, о луна за облаком!
Не извлекай воинственно, подобно Солнцу, меч⁷⁹!
Если осветишь мои глаза лицезрением тебя,
сотню душ я за тебя отдам.
Умираю я, о [дарующая] жизнь!
Спаси ли меня, нет ли – в твоей воле!»»

[Кормилица приносит дочери Ка'ба весть о любви Бакташа]

Пошла кормилица к той луне,
известила ее о любви гуляма:
Мол, он влюблен куда больше твоего,
своим жаром он поспорит с огнем!
Если твое сердце узнает, какова его любовь,
твое сердце научится от него страданиям любви, о луна!..
Сердце девушки возрадовалось,
и слезы радости потекли по лицу.
Не знала [с тех пор] иного дела та чарующая⁸⁰,
чем слагать бейты и газели день и ночь.
Плавню слагала стихи и отсылала,
так и стала в стихосложении мастером.
Гулям с каждым стихотворением, которое прочитывал,
все больше влюблялся и приходил в изумление.

⁷⁸ *Прорвал завесу...* – в оригинале оборот *darīda-parda* – «с разорванной завесой», иноказание опозоренности, потери доброго имени.

⁷⁹ «Меч Солнца» – традиционная метафора солнечных лучей. Под *ранней зарей* (*ṣubḥ*) здесь подразумевается самое начало утра – слабый свет, видимый на небе перед рассветом и еще не означающий подлинного наступления дня. Смысл бейта: Бакташ просит девушку, скрытую от него, словно Луна облаком, не исчезнуть, едва показавшись, как «ложный рассвет», и не сразить его мечом разлуки, как гордое Солнце поражает глаза своими беспощадными лучами.

⁸⁰ Здесь и далее словом «чарующая» передается персидский композит *dil-afrūz*, букв. «озаряющая сердце».

[Бакташ встречает дочь Ка'ба и что случилось потом]

Прошло некоторое время, и как-то раз
вышла из покоев эта чарующая⁸¹.

Увидел ее внезапно Бакташ и узнал,
ведь он всю жизнь проводил в любви к ее образу.

Схватился за ее полу, а девушка вспыхнула,
встряхнула рукавом⁸² и потом сказала ему:

«Ах ты невежа, что это за дерзость,
ты лис, что это за львиная отвага?

Никто не смеет схватить меня за платье,
кто ты такой, что касаешься моей полы?»

Гулям сказал: «О, я пыль на твоей улице!
Если ты скрываешь от меня свое лицо,

Для чего стихи присылаешь мне день и ночь,
сердце мое забрала этим прекрасным изображением!

Если ты сначала сделала меня безумцем,
зачем под конец обратила меня в чужака?»

Ответила ему тогда та сребростанная:
«Ты и крупницы не знаешь из той тайны!

В моей груди свершилось нечто,
и открылось это через тебя.

Возможно ль такое для сотни гулямов?!
Я открыла тебе это, и этого достаточно!

Не довольно разве для тебя,
что стал причиной это дела?

[А] тебя это привело к постыдному,
в похоть ты, ей-богу, впал от этого».

Сказала так, и ушла от него,
а сердце гуляма стало стократ смятеннее...

⁸¹ *Вышла из покоев* – в оригинале *ba dahlīzī*, т.е. вышла в крытую галерею между входной дверью и внутренней частью дома.

⁸² *Встряхнуть рукавом* в направлении к-л. – выражение запрета и неудовольствия [14, сл. ст. *āstīn bar kasī afšāndan*].

[Старец Абу Са'ид о любви дочери Ка'ба]

В словах Бу Са'ида из Михны⁸³ я видел,
что он сказал: «Я туда пришел⁸⁴

Расспросить о состоянии дочери Ка'ба:
была она познавшей [Бога] или страстно влюбленной?

[Старец] так сказал: “Мне [вот что] стало очевидно
о стихах, что выговаривались в ее словах:

От горения любви к метафорическому возлюбленному
не появляются такие стихи так легко⁸⁵.

Эти стихи не имели отношения к сотворенному,
ибо ее жизнь была постоянно с Истинным.

Совершенство в смыслах у нее было полным,
гулям был лишь посредником на этом пути”».

[Харис начинает подозревать сестру]

Итак, влюбленная девушка в том горенье
слагала горестно стихи день и ночь.

Но вот однажды ходила она по лугам,
в одиночестве прекрасно пела такие стихи:

«О предрассветный ветерок, полети,
поведай обо мне тому грабителю-тюрку⁸⁶,

Скажи: ты жаждой отнял мой сон,
отнял мою воду, выпил кровь!»

А по другую сторону луга был Харис,
и слуха Хариса донеслись эти слова.

Вскипел он и крикнул ей:
«Что ты говоришь, беспутная!»

⁸³ *Михна*, иначе Махна или Майхана (на современных картах Меана) – была небольшим городом в Хорасане, в округе Хаверан, между Абивердом и Серахсом. Пострадал при нашествии гузов в XII в. и постепенно пришел в разрушение. Там до сих пор сохранился мавзолей Абу Са'ида.

⁸⁴ *Бу Са'ид* – сокращенная для метра форма имени Абу-Са'ид. Возможно, что под «словами Бу Са'ида» подразумевается одна из утраченных книг о речениях старца. Тогда спрашивающий – автор книги или кто-то из окружения старца, пришедший «расспросить Бу Са'ида». В сохранившихся рассказах об Абу Са'иде эти слова обнаружить ни одному из комментаторов не удалось.

⁸⁵ *Метафорическим* суфийская традиция называет земного возлюбленного в отличие от возлюбленного истинного, т.е. Бога.

⁸⁶ *Грабитель-тюрок* – турки славились красотой, а также быстрыми набегами и грабежами, откуда второе, метафорическое значение этого слова: красавец, быстро унесший сердце.

Влюбленная девушка склонилась до земли,
изменила стихи и пропела так:

«О предрассветный ветерок, полети,
поведай обо мне тому румяному водоносу!

Скажи: ты жаждою отнял мой сон,
отнял мою воду, выпил кровь!»

Был у нее один румянолицый водонос,
который всегда приносил ей воду в кувшине.

Вместо «грабителю-тюрку» та подобная луне
пропела: «румяному водоносу»⁸⁷.

Брата это навело на такие дурные мысли,
что на сестру он посмотрел без почтения.

[Бакташ отправляется на войну. Военные подвиги Бакташа]

Но вот, когда после этого прошел месяц,
пришло войско на Хариса с войной.

Войско огромное, и счету ему не было,
словно вращению небес, не было ему конца.

Войско, вздымающее волны мечей и панцирей, –
мир от [блеска] мечей и панцирей стал светлым.

Пришло войско с вершин и склонов,
от него Бык Земли застыл, словно осёл на льду⁸⁸.

А с той стороны Харис с войском,
вышел на рассвете из городских ворот.

Молодо всё его войско, словно его счастье,
высоки его шатер и шлем, словно его суждение.

По одну руку с ним шла победа с кольцом в ухе⁸⁹,
по другую – завоевание и торжество.

И вот войска встретились,
раскрыли руки для убийства.

⁸⁷ Девушка заменила слова *turk-i yağmā* («грабитель-тюрок») на эквивалентное по ритму сочетание *surx saqqā* («румяный водонос»).

⁸⁸ *Бык Земли* – гигантский бык, по старинным поверьям, стоящий на огромной рыбе, плавающей в мировом океане и держащий на своих рогах Землю. *Осёл на льду* – иносказание растерянности и беспомощности.

⁸⁹ *Кольцо в ухе* – иносказание рабской преданности (раб носил в ухе кольцо с именем своего господина).

Пыль поднялась над всею степью,
воплъ поднялся до зеленого купола⁹⁰.
Гром барабана оглушил уши небосвода,
Земля перевернулась, словно небо.
Земля от [крови] его врагов стала тюльпановым лугом,
воздух от дождя стрел источал росу.
В стране словно выросла плотина,
тела убитых громоздились повсюду.
Смерть вонзала в душу свои когти,
судьба⁹¹ воинственно острила зубы.
Явилось сто признаков Судного дня,
див принялся молиться из-за этого Судного дня.
Тут явился впереди рядов Харис,
он вывел вперед несметное войско.
Лишь только построил он это войско,
помчался, как лев, и напал на врагов.
Высокий небосвод, усыпанный звездами,
острием его дротика изрезан в клочки.
Там, где поднимал голову его молодецкий меч,
смута склоняла голову до Дня светопреставления.
Когда его меч омывал врага кровью, словно розу,
из его меча выростала роза победы.
Когда его стрела достигала индигового небосвода,
проходила она через ушко иглки 'Исы⁹².
А с другой стороны Бакташ луноликий
рубился двуручным мечом во все стороны.
Но в конце концов он был ранен,
из-за раны у него закружилась голова,
Так что чуть было этот прекрасный
не попал в руки врагов.

⁹⁰ *Зеленый купол* – метафора небосвода (в персидском языке обозначения синего и зеленого цветов часто пересекаются).

⁹¹ *Судьба* – в оригинале *qazā*, Божественное предопределение.

⁹² По мусульманскому преданию, при вознесении 'Исы на небо в его одежде обнаружилась земная вещь – игла, из-за чего он был остановлен на четвертом небе. Отсюда смысл полустигия: Бакташ выпускает стрелу с такой силой, что она достигает четвертого неба, где обитает пророк 'Иса, и с такой меткостью, что она проходит через ушко его иглы.

[Дочь Ка'ба спасает раненого Бакташа]

Среди воинов была дочь Ка'ба – с закрытым лицом,
в боевых доспехах и верхом на коне.

Выступила она перед войском, подобная горе,
в каждом сердце она вызвала трепет.

Никто не знал, кто же этот сребротелый,
она отверзла уста и крикнула: «Что это за трусость?!

Я – тот шах, у которого ферзем – небосвод,
пешками у моих стремян – Солнце и Луна!⁹³

Если погоню коня на кружащийся ковер,
двумя ладьями отброшу его, как отважные львы!

Главу, которая отвернется от моего приказа,
брошу под ноги слону, [поставлю] шах и мат!

Как извлеку я разящий свой меч,
извлеку печень у рыкающего льва!

Как сверкнет мой блестящий клинок,
от страха у огня желчь станет водой!

Как раскручу рукой змею-копье,
все в этом войске будут ничто передо мною!

Пусть встанет наковальня перед моим копьем –
мощь моего удара расколется на куски!

Моего удара и наковальня не выдержит,
от наковальни и горчичного зерна не останется!

⁹³ Этот и следующие два бейта насыщены сложной поэтической игрой. Во-первых, в них разворачивается шахматная метафора: неизвестный герой – это шахматный *король* (*шах*), его *ферзь* (*farzīn*), т.е. везир – небосвод, *пешки*, т.е. пешие воины, бегущие у его стремени, – Солнце и Луна. Названы и другие фигуры – *кони*, *слоны* и *ладьи*. Герой грозит *двумя ладьями* или за два хода (*ba dū guh*) расправиться с противником, поставив ему *шах* и *мат*. Происходит все это на специальном коврикe для игры в шахматы (*naṭ'*).

Одновременно здесь выстроен и другой ряд – «космический». Дважды упоминается *небосвод*, сначала – иносказательно: он назван *кружащимся ковром* (*naṭ'i gardān*), где соединены две метафоры, означающие небосвод: «голубой **ковер**» (*naṭ-i ābgūn*) и «**кружащееся** колесо» (*ṣarḡ-i gardān*). Кроме того упомянуты небесные тела: Солнце и Луна, также возможен намек на созвездие Льва в композите *šīr-mardān* – «отважные львы», то есть герои.

И наконец, обращает на себя внимание выражение «две ладьи» – *dū guh*. Оно может отсылать к знаменитому сказу о двенадцати поединках – *Dāstān-i davāzda rux* – в поэме Фирдоуси «Шахнаме» (17, с. 193–345). Этим открывается ряд аллюзий к «Шахнаме» в дальнейших бейтах (см. след. примеч.).

Когда птица моей стрелы вылетит из тетивы,
из горла птицы небосвода вылетит: “Слава!”⁹⁴

Когда извлеку из колчана свой аркан,
словно вихрь, швырну врага лицом на землю!

Погоню Рахша и раскрою двери превосходства,
ибо в битве я – Рустам, и из корня Рустамова!»

Сказала это и, как грозные мужи,
убила из тех мужей с десяток.

С мечом в руке подсакала к Бакташу,
выхватила его и доставила к войску,

Опустила его на землю и исчезла,
никто в целом мире не узнал ее.

Когда эта кумироликая куда-то скрылась,
вражеское войско хлынуло, что морской прилив.

Вот оно уж было совсем приблизилось,
чтобы не оставить ни города, ни горожанина,

Как вдруг Харису явилась помощь,
множество народу от царя Бухары.

Пришло [такое] войско с гор и степей,
что от его множества у неба закружилась голова.

Помощь вовремя нашла Хариса,
войско Хариса и Харис одержали победу.

Бежало войско врагов царя,
а кто-то так и остался лежать убитым на дороге.

Когда царь вошел в город, радостный и победоносный,
стал он спрашивать о том храбром воине.

Ни один человек не мог ничего о нем сказать,
все говорили: исчез он, словно пери.

⁹⁴ Птица небосвода (*turġ-i gardūn*) – метафора солнца, а также самого небосвода, в этом случае уподобляемого птице [21, сл. ст. «*turġ*»]. «Слава!» в оригинале *zih!* Возможно, здесь аллюзия к знаменитому бейту Фирдоуси в сцене битвы иранского богатыря Рустама (Ростема) с непобедимым туранцем Ашкбусом: после мощного выстрела Рустама «Судьба (*qazā*) сказала: “бери!”, Рок (*qadar*) сказал: “дай!” Небо (*falak*) сказало: “превосходно!” и Луна сказала: “Слава!” (*zih*)» [22, с. 196] (перевод см.: [23, с. 548]); ниже героиня сравнивает себя с Рустамом, а своего коня – с могучим конем Рустама – Рахшем.

[Дочь Ка'ба горюет о Бакташе и пишет ему послание]

Но вот явился негр ночи,
поднес к губам чашу Луны,

И всю ночь лунный круг, что круглое мыло,
искусал вокруг себя пену из света.

Этим мылом и кровью глаз до утра
смывала надежду на жизнь та озаряющая мир⁹⁵.

Когда прилетел ворон ночи, из-за того прелестного
сердце девушки было словно птица в силках.

Сердце ее из-за раны гуляма так горело,
что в один миг и душа ее сгорела.

Не было у нее ни мига сна и покоя,
ведь в голову был ранен покой ее сердца!

Как было успокоиться ее сердцу!
Написала она письмо кровью глаз.

Такие сложила стихи та благоухающая жасмином,
ты послушай повесть этой красноречивой молчуньи⁹⁶:

«Голова, своим величием достойная великого венца –
что общего с ней у головы-[наконечника] копья?!⁹⁷

Да потеряет голову⁹⁸ голова твоего недруга,
да не поднимется его голова вверх, иначе как на виселице!

Голова, над коей не главенствует твое бытие,
низко опустит голову! – это не пустые слова!

Та голова, что не станет прахом твоего порога, –
[клянусь] душой и головой! – той голове придет конец!

⁹⁵ *Смывала надежду на жизнь* – букв.: «омывала руки от жизни / души». Умывать руки – терять надежду.

⁹⁶ *Красноречивая* (или «говорящая») *молчунья* – *gung-i sūxun-gūy*. *Gung* в основном значении – «немой», «молчащий», но среди толкований есть и значение «молчащий, который изъясняется знаками и намеками». Это толкование может отсылать мысли о любовных стихах дочери Ка'ба как иносказаниях, «намекающих» на любовь к Богу, – именно намеками (*išāra*) суфии обычно говорили о невыразимом словами.

⁹⁷ В каждом из первых тринадцати бейтов стихотворного послания по меньшей мере два раза упомянуто слово *sar* – «голова» (такой прием называется в персидской поэтике «илтизам»). Это слово встречается в качестве существительного (самостоятельно или в составе композитов) как в основном значении «голова», так и в составе ряда фразеологизмов, а также может выступать в качестве предлога (последнее в переводе не отражается).

⁹⁸ *Да потеряет голову!*.. – в оригинале: *bādā bī sar-u kār* – букв. «да будет без головы и дела» – «да будет растерянной, лишенной покоя» и т.п.

Если с тобой в пути будет непокорный завистник, –
словно змее отруби ему голову, так ему положено!
А если голову задерет самоуверенный враг,
низложи ему голову, с легкостью отруби ему голову!
Ту голову, что не дружна с тобой, –
да не покинут ту голову страдания!
Если не склонит перед тобой голову враг и снова нападет,
[то лишь потому, что] ему головы своей не жаль⁹⁹.
Если не преклонит перед тобой голову глава,
значит, ни на волосок он не печется о своей голове.
От твоей славной головы венец получает великолепие,
от ее славы каждая голова получила главенство.
Небосвод, опрокинутый вниз головой, оттого вознес голову,
что каждый миг он преклоняет голову перед тобою¹⁰⁰.
Если моя головная боль причинила тебе головную боль,
да будет моя отрубленная голова твоим лекарством!
Склоняю перед этим главой голову до земли,
да будут сотни таких голов жертвой твоей голове!
Если сраженный враг замыслит отомстить,
лишь попытается – будет сражен твоим гневом.
Вкушающий плоды от древа наслаждения,
если ест без поминания тебя – ест свою печень¹⁰¹.
Хвляющийся по невежеству своим разумом,
если чеканит золото не твоим именем – плохо чеканит.
Пожелавший отправиться в хадж,
если отправится без твоего веления – согрешит!
Что́ на тебя напало, что упал ты в крови!
О горе! Не найти никого несчастнее меня!
Всю ночь у меня, как у свечи, пылает грудь,
проходит ночь – и день несет мне смерть...
Словно свеча, каждый миг я смеюсь от любви,
глазами своими я создала запруды¹⁰²,

⁹⁹ *Ему головы своей не жаль* – в оригинале *sar-i ān dārad ū k-az sar bar-āyad* – «он имеет намерение лишиться головы».

¹⁰⁰ Образ основан на представлении о куполообразном («опрокинутом») небосводе и его постоянном вращении вокруг земли.

¹⁰¹ *Есть свою печень* – метафорическое выражение крайней степени страдания.

¹⁰² В поэзии пламя свечи часто сравнивается со смехом, а капающий воск – со слезами.

Словно свеча, душа которой живет любовью,
которая смеется посреди слез и огня.

Если бы ночью у меня была надежда на день,
я не горела бы так ярко.

Когда у свечи нет надежды на день,
ни минуты не прекращает она горения.

От этого огня, что ниспал в мою душу,
дождь пролился на мои ресницы.

У этого огня такой сильный жар,
удивительно, что он производит столько воды!

Что ты хочешь от меня при таком горении –
ведь ни ночью не бываю я без горения, ни днем!

Не влачи меня во прахе и крови,
не заставляй скитаться, словно небосвод!

Раз ты знаешь, как я беспомощна,
зачем ты сбиваешь меня с ног?!¹⁰³

Ты знаешь, что я опьянена тобой,
твоею рукою я сбита с ног.

Мне, измученной¹⁰⁴, как мне не быть в крови,
как мне не быть окровавленной!

Сама не своя иду я в тоске по тебе –
ни вперед, ни назад не вижу дороги!

Сердце мое измучено страданием,
я заперта в лачуге скорбей!¹⁰⁵

Сколько еще ты будешь терзать каждую мою жилку?!
Сколько еще ты будешь сжигать меня, словно руту?!¹⁰⁶

Если бы не надежда на соединение с тобой,
ни пепла не осталось бы от меня, ни дыма.

Жить ради себя – позор для меня,
ведь я могу жить [лишь] надеждой на свидание с тобой.

¹⁰³ В оригинале: *ču sar-gardānī-yam mīdānī āxir / ba pāy-am dar či mīgardānī āxir* – букв.: «Раз ты знаешь, как кружится моя голова, зачем заставляешь меня возвращаться на ногах?!»

¹⁰⁴ Измученной – в оригинале «пьющей кровь», иносказательное обозначение жестокого страдания.

¹⁰⁵ Лачуга скорбей – см. примечание 33.

¹⁰⁶ Намек на распространенный обычай окуривать семенами руты, сжигая ее в курильнице на медленном огне для защиты от «дурного глаза» и изгнания злых духов.

Мое сердце не выносит слова “разлука”,
ведь оно и радость единения с любимым едва бы вынесло!

О боли своей, как [все] смятенные,
я рассказала тебе тысячную часть.

Скажу и больше, если найду способ,
а нет – схороню в своем сердце эту тайну».

[Ответное послание Бакташа дочери Ка'ба]

Отправилась нянька, передала это письмо,
ничего к нему не прибавила и не убавила.

Голова Бакташа, вся покрытая ранами,
от этого письма обрела успокоение сердца и утешение.

Из его глаз полились потоки крови,
немало послал ей любовных слов:

«Душа моя! Доколе оставляешь меня в одиночестве,
не придешь проведать большую голову!

Приди, о ненаглядная, как возлюбленные,
посиди минуту у изголовья одинокого!

Если сегодня у меня одна рана в голове,
то тысяча у меня в душе, о озаряющая сердце!

От томления рубашка на моем теле стала саваном!..»
Сказал так, и лишился чувств.

[Дочь Ка'ба встречает поэта Рудаки и что случилось потом]

Прошло время, и влюбленный Бакташ
оправился ото всех своих ран,

А та чарующая девушка, бывало, сидела
у дороги, и проходил там как-то раз Рудаки¹⁰⁷.

Когда он говорил бейт, что расплавленное золото,
девушка много лучшим [бейтом] ему отвечала.

Много стихов сказал в тот день устад,
на которые та девушка давала ответ¹⁰⁸.

¹⁰⁷ *Рудаки* – Абу 'Абдаллах Джа'фар Рудаки Самарканди (860–941), в течение нескольких десятилетий возглавлявший плеяду поэтов при дворе Саманидов в Бухаре, признанный родоначальник классической персидской поэзии, прозванный «Адам поэтов» и «отец поэтов».

¹⁰⁸ *Устад* – мастер, учитель. В бейте описывается *муджабат* (*mujābāt*), вид поэтического состязания – *муша'ира*: один поэт произносит или поет стих, а другой отвечает ему стихом с теми же размером и рифмовкой.

От изящества дара той прекрасной
пришел в изумление Рудаки.
Узнал он о любви той жасминогрудой
и отправился он оттуда дальше.
Когда стала для Рудаки та тайна явной,
пошел он оттуда в город Бухару.

[Харис узнает о тайне сестры]

Пришел он ко двору того царя,
который тогда пришел на помощь Харису.
Прибыл к тому высокому царю
также и Харис, дабы принести извинения.
А в тот день был царский пир –
что сказать! То был рай, озаряющий сердце!
И вот царь пожелал от Рудаки стихов.
Отверз уста тот устад и поднялся с места.
Поскольку были у него на памяти стихи дочери Ка'ба,
он все их прочел, и собрание пришло в волнение.
Царь спросил его: «Чьи это стихи?
Они подобны марваридам – кто их просверлил?¹⁰⁹»
Откуда было знать Рудаки о Харисе?!
Он ведь сам был пьян от стихов и пьян от вина.
В опьянении заговорил он тогда:
«Это стихи дочери Ка'ба, о царь!
Сотней сердец влюблена она в одного гуляма,
попала она, словно птица, в капкан.
Ни минуты нет у нее ни сна, ни еды,
нет ничего, кроме слагания бейтов и газелей.
Сотни стихов слагает, полных смысла,
и все тайно отправляет ему.
Если бы ее любовь не была подобна огню,
не было бы от нее таких прекрасных стихов».
Харис услышал эти слова и был поражен,
но притворился он тогда пьяным.
И когда вернулся обратно в свой город,
от сестры он скрыл эту тайну.

¹⁰⁹ Просверливание жемчужин – традиционная метафора сочинения стихов.

Но душа его кипела от ярости,
он постоянно втайне следил за сестрой,
Чтобы поймать ее на грехе
и тут же на месте пролить ее кровь.
Все стихи, которые слагала та луна,
она всегда посылала Бакташу.
[Тот] бережно складывал их в ларец,
запечатывал его, чтоб никто не мог открыть.

***[Харис видит письма сестры Бакташу
и обрекает ее на жестокую смерть]***

Был у Бакташа жасминостанного напарник¹¹⁰,
который все гадал, что же в этом ларце?
Открыл его и прочитал те письма,
отнес их Харису и прочитал ему.
Сердце Хариса вспыхнуло от той тайны,
и решился он погубить сестру.
Сначала своего приближенного гуляма
царь заключил в оковы и сбросил в яму.
Потом велел однодверную баню
растопить для той сребротелой.
И приказал, чтобы цирюльник на обеих руках
вскрыл ей вены и не закрывал их.
Царь оставил ее в этой бане,
а выход заложил известью и кирпичами.
Много звал на помощь тот стройный кипарис,
но не было ей никакой пользы от плача.
Кто знает, как сердце ушло из нее?!
У всех печень стала кровью из-за нее!
Кто когда-либо слышал такой рассказ!
Кому выпадало такое, как ей!
В таком горе, в такой боли, таком горении
был ли кто в целом мире хоть один день?!
Приди, коли ты влюблен, чтобы увидеть боль,
увидеть путь влюбленных мужей!
Взметнулось несколько огней вокруг той луны,
устремился весь этот огонь одним путем [к ней].

¹¹⁰ *Напарник* – другой гулям, который по обычаю делил с Бакташем жилище.

Один огонь был из той страшной бани,
другой – из тех стихов, подобных огню.

Один огонь – от воздействия юности,
другой огонь – от пролития столькой крови.

Один огонь – от жара любви и ревности,
другой огонь – от стыда и растерянности.

Один огонь – от болезни и слабости,
другой огонь – от сердечного жара и горя¹¹¹.

Погасит ли кто такой огонь сотней [мер] воды?!
Кому под силу терпеть такой огонь?!

[Последние стихи дочери Ка'ба Бакташу]

Обмакнула в кровь та луна кончик пальца,
написала она множество стихов.

Исписала своею кровью всю стену,
болью сердца писала она стихи.

На стене бани не осталось места,
а в ней уже крови почти не осталось.

Когда всю стену исписала стихами,
упала она, словно кусок стены.

В крови и любви, в огне и слезах
ушла ее милая душа с сотней горестей.

Когда на другой день раскрыли баню –
что сказать мне, какой была та озаряющая сердца!

Слово ветка шафрановая с ног до головы,
но с ног до головы погруженная в кровь!

Взяли ее, омыли водой,
сердце окровавленное зарыли в землю.

Посмотрели в тот день на стену –
на ней были написаны те стихи, сжигающие сердце:

«Любимый! Без тебя мои глаза – что два ручья,
все мое лицо украшено кровью сердца!

Ты предал меня потоку, текущему с моих ресниц,
не то говорю! Ты забрал всю воду!¹¹²

¹¹¹ *Горе* – в оригинале редкое архаичное слово *mustī* с зафиксированным в словарях значением «жалоба». По мнению Шафи'и Кадкани, этот бейт свидетельствует еще и о значении этого слова – «горе» [24, с. 707, примеч. к бейту 6087].

¹¹² *Вода* – в оригинале *āb*, что имеет значения: 1) «вода» и 2) «блеск, честь, доброе имя». Таким образом, «забрать воду» может иметь вторым значением – «лишить доброго имени».

Ты отнял мою душу и в ней приятно тебе жить!
Нет, что я говорю! ты в ней живешь посреди огня!

Ты вошел в мое сердце и никогда не уйдешь из него!
Нет, что я говорю! ты ведь не станешь жить в крови!

Дав мне два ручья из глаз,
ты задал мне головомоюку в бане¹¹³.

Я – словно рыба на сковороде,
не придешь ли ты в мою баню?¹¹⁴

Такое было веление о моей любви от Престола,
чтобы меня живой поместили в ад:
Чтобы в аду ту тайну, которая в ней,
я написала посреди жара и пламени!

Откуда узнаешь, как надо писать?
Такой рассказ кровью надо писать!

Если я в аду из-за этого райсколикого,
со всех сторон наличность моя – рай!

Если Истинный сделал моим уделом ад,
рассказ мой стал раем влюбленных.

Три пути есть сейчас у мира любви:
один – огонь, другой – слезы, третий – кровь.

Я теперь в огне оттого,
что то кровь проливаю, то роняю слезы.

Хотела я, чтобы моя душа сгорела в огне,
[но] раз в душе – ты, нельзя, чтоб она сгорела.

Омываю ноги милого слезами,
кровью омываю руки от жизни¹¹⁵.

Огнем, что вырывается из моей души,
я сожгу всех сырых в этом мире!¹¹⁶

¹¹³ *Задал головомоюку* – в оригинале *sar-šūy dādī* – «дал глину для мытья головы». По предположению Шафи'и Кадкани, это иносказание со значением «обманывать» [24, с. 708, примеч. к бейту 6102]. У других поэтов не удалось найти этого выражения в иносказательном значении.

¹¹⁴ Поскольку в оригинале нет знаков препинания, может быть прочитано как: «Не приходишь ты в мою баню!»

¹¹⁵ *Омыть руки от ч.-л.* – отказаться от надежды.

¹¹⁶ В суфийской поэзии человек, еще не искушенный в духовной жизни, не прошедший на опыте все испытания духовного пути, сравнивается с незрелым плодом, недопеченным кушаньем или сырой растопкой; все эти состояния передаются словом *xātī* – «сырость». Этому противопоставляется *rixtagī* – «зрелость», «доваренность / пропеченность», «готовность».

Слезам, что текут по моему лицу,
я омою всех, чьи лица не омыты¹¹⁷.

Этой кровью, если откроют мне путь,
я сделаю всем влюбленным румяна.

Этим огнем, который у меня есть в этом горении,
я покажу семи адам¹¹⁸, как [надо] гореть.

Этими слезами, которые суть кровавый потоп,
научу ливень, как [надо] проливаться.

Этой кровью, которую назови морем,
я научу зарю, как [надо] алеть.

Этим огнем я так украшу свою эпоху,
что [сам] ад попросит у меня язычок пламени.

Этими слезами в обоих мирах
я смешала глину с водой до Судного дня¹¹⁹.

Этой кровью я преградила путь небесам,
так что жернов небосвода будет теперь вращаться в крови.

Кроме образа моей мечты, озаряющей сердце,
я сожгу этим огнем все другие образы.

Из-за той боли, что терпел мой любимый,
слезами я затоплю землю.

Поскольку мой кумир любит пить мою кровь,
если моей кровью наполнится мир – прекрасно.

Выпил кровь моей души сполна¹²⁰,
здравия тебе, о дорогой друг!

Теперь в огне, в слезах и в крови
ухожу я с израненным сердцем из этого мира.

Моя жизнь без тебя подошла к концу,
я для тебя ушла – ты же пребудь вечно!»¹²¹

¹¹⁷ *С неумытым лицом* (*rūy nāšusta*) – нечистый, не входящий в «мир тайн» [14, сл. ст. *nāšusta-rūy*].

¹¹⁸ *Семь адов* – в Коране упоминаются семь врат ада, у каждого из которых – «отдельная часть» [25, 15: 44]. Также см.: [14, сл. ст. *haft dūzax*].

¹¹⁹ *Смешаю глину с водой*, букв.: «брошу глину в воду» – я пролью столько слез, что земля в обоих мирах станет глиной; в иносказательном значении: приведу мир в волнение и смуту.

¹²⁰ *Выпил кровь моей души сполна* – кроме очевидного метафорического значения, Шафи'и Кадкани усматривает в бейте намек на обычай, существовавший в среде «благородных» (*javānmardān*): вкушение крови друг друга знаменовало полное духовное единение и дружбу между ними.

¹²¹ *Я для тебя ушла* – в оригинале: *man-at raftam*, что можно понять и как «твоя я». *Ты пребудь вечно!* – традиционное обращение к близким усопшего. Смысл бейта: девушка достигла высшей степени любви – исчезновения (растворения) в возлюбленном.

[Конец рассказа]

Когда написала это кровью, пришло веление,
чтобы вознеслась душа из той измученной¹²².

Увы! нет, тысячу раз увы
горестной смерти того венца всадников!..

* * *

А Бакташ наконец ухитрился
выбраться из своего колодца.

Тайком ушел и голову Харису на рассвете
отрубил и ушел оттуда,

Пришел к могиле девушки, распахнул одежду,
взял кинжал и ударил себя в печень.

Забрал пожитки из этого брального мира,
освободил сердце из этой тюрьмы и крепких оков.

Не было у него сил [жить] без несравненной любимой,
он соединился с ней – и рассказу конец.

Литература

1. Лахути Л. Г. Маснави Фарид ад-Дина 'Аттара «Илахи-наме». К проблемам понимания и перевода. *Вестник РГГУ. Серия «Востоковедение. Африканистика»*. 2011;(2):180–220.

2. 'Aṭṭār, Farīd ad-Dīn; Rūhānī Fu'ād (ed.). *Īlāhī-nāma-yi Šayḫ Farīd ad-Dīn 'Aṭṭār-i Nišāpūrī*. Tih-rān; 1339/1960. (На перс. яз.)

3. Илахи-наме – «Божественная книга» Фарид ад-Дина 'Аттара (XII–XIII вв.). Второй сын. Беседа шестая. Рассказы 5–9. [Введ., перев. и коммент. Л. Лахути]. *Ирано-Славика*. 2006;(1):20–23.

4. Лахути Л. Г. Рассказы о любви в поэме Аттара «Илахи-наме» как способ говорить о «философских истинах». В: Синеокая Ю. В. (ред.) *Философские эманации любви*. М.: Издательский дом ЯСК; 2018. С. 508–529.

5. «О праведной жене»: рассказ из маснави Фарид ад-Дина Аттара (начало). [Вступ., пер. и коммент. Л. Лахути]. *Суфий*. 2013;(16):38–43.

6. «О праведной жене»: рассказ из маснави Фарид ад-Дина Аттара (окончание). [Вступ., пер. и коммент. Л. Лахути]. *Суфий*. 2014;(17):39–45.

7. 'Awfī's Muḥammad. *Lubābu 'l-albāb* (part II). Ed. by E. G. Brown. London, Leiden; 1903. (На перс. яз.)

8. Radūyānī, Muḥammad b. 'Omar. *Kitāb Tarcumān al-balāġa*. Ahmed Ateş (mukaddime, haşiye ve izahlarla). İstnanbul; İstanbul Üniversitesi Yayınlarından No. 395. Edebiyat Fakültesi Şarkiyat Enstitüsü; 1940. (На перс. яз.; на турецк. яз.)

¹²² Веление (*farmān*) – во втором значении – «смерть». Измученная – в оригинале *bī sar-u bun*, букв.: «без головы и без основы, корня» или «без верха и основания»; фразеологическое значение – «слабый, немощный», приведено в: [14, сл. ст. *bī sar-u bun*]. Иносказательно *bī sar* передает состояние крайнего смирения и самоотречения.

9. Munavvar, Muḥammad b; Šafi'ī Kadkanī M.-R. (ed.). *Asrār al-tawḥīd*. Tih-rān: Āgāh; 1367/1988. J. 1. (На перс. яз.)
10. Ta'liqāt / Muḥammad b. Munavvar; Šafi'ī Kadkanī M.-R. (ed.). *Asrār al-tawḥīd*. Tih-rān; Āgāh; 1367/1988. J. 2. (На перс. яз.)
11. Jāmī, Nūruddīn 'Abdurrahmān. *The Nafaḥāt al-ons min hadhārat al-Qods, or the Lives of the Soofis by Mawlana Noor al-Dīn 'Abd al-Rahmān Jāmī*. Edited by Mawlawis Gholām 'Isa 'Abd al-Hamīd and Kabīr al-Dīn Ahmad, with a biographical sketch of the author, by W. Nassau Lees. Calcutta; 1859. (На перс. яз.)
12. Hidāyat Rizā-Qulī Xān. *Majma' al-fuṣṣahā*. Muẓāhir-i Muṣafā (ed.). Tih-rān; 1339/1960. (На перс. яз.)
13. Hidāyat Rizā-Qulī Xān. *Gulistān-i Īram, Bektāš-nāma*. Tih-rān, 1270/1853–54. (На перс. яз.)
14. Dihxūdā A. A. *Luḡat-nāma (čāp-i avval az dawra-yi jadīd)*. Jild-i 1–14 [Encyclopaedic dictionary (first ed. of the new version). Vol. 1–14]. Tih-ran: Tih-ran University Publications; 1372/1993. Available at: <http://www.vajehyab.com/> (На перс. яз.)
15. Пригарина Н. И., Чалисова Н. Ю., Русанов М. А. *Хафиз. Газели в филологическом переводе*. М.: РГГУ; 2012. Часть 1.
16. Фирдоуси. *Шахнаме*. [Пер. Ц. Б. Бану-Лахути; коммент. А. А. Старикова; отв. ред. А. А. Стариков; ред. пер. А. Азер]. 2-е изд., испр. М.: Ладомир; Наука; 1994. Т. 3.
17. Беруни Абу Райхан. *Книга вразумления начаткам науки о звездах*. [Вступ. ст., пер. и примеч. Б. А. Розенфельда и А. Ахмедова. Отв. ред. А. К. Арендс]. Ташкент: Фан; 1975.
18. Фирдоуси. *Шахнаме*. [Пер. Ц. Б. Бану-Лахути и В. Г. Берзнева. Примеч. Л. Г. Лахути. Отв. ред. А. Н. Болдырев]. М.: Наука; 1989. Т. 6.
19. «Собеседник Влюбленных» Шараф ад-Дина Рами о локонах, челе и бровях возлюбленных. [Введ., пер. с перс. и коммент. Н. Ю. Чалисовой]. *Вестник РГГУ*. 2000;(4):87–117.
20. Šayx Farīd al-Dīn Muḥammad 'Aṭṭār Nišābūrī. *Tazkiratu-l-awliyā'* [*Memorial of God's Friends*]. Barrasī, tašḥīḥ-i matn, tawzīḥāt va fahāris: duktur Muḥammad Isti'lāmī, čāpi 16. Tih-rān: Zavvar; 1386/2007. (На перс. яз.)
21. Muṣaffā Abū-l-Faẓl. *Farhang-i ištīlāḥāt-i nujūmī hamrāh bā vāzahā-yi kayhānī dar āi'r-i fārsī*. Tih-rān; 1987. (На перс. яз.)
22. Фирдоуси. *Шах-Наме. Критический текст*. [Сост. Р. М. Алиев, А. Е. Бертельс, М.-Н. О. Османов. Под ред. А. Нушина]. М.: Наука; ГРВЛ; 1967. Т. 5.
23. Фирдоуси. *Шахнаме*. [Изд. подготовили Ц. Бану-Лахути, А. Лахути, А. А. Стариков]. 2-е изд., испр. М.: Ладомир; 1993. Т. 1.
24. Šafi'ī Kadkanī M. R. Ta'liqāt. In: 'Aṭṭār, Farīd ad-Dīn. *Ilāhī-nāmeḥ*. Muqaddama, tašḥīḥ va tā'liqāt Muḥammad Rizā Šafi'ī Kadkanī. Tih-rān; 1388/2008. (На перс. яз.)
25. Крачковский И. Ю. (ред.). *Коран*. 2-е изд. М.: Наука; ГРВЛ; 1986.

References

1. Lahuti L. G. The mathnavi by Farid ad-Din 'Attar "Ilahi-name". Problems of understanding and translation. *Vestnik RGGU. Seriya "Vostokovedenie. Afrikanistika"*. 2011;(2):180–220. (In Russ.)

2. 'Aṭṭār, Farīd ad-Dīn; Rūhānī Fu'ād (ed.). *Īlāhī-nāma-yi Šayx Farīd ad-Dīn 'Aṭṭār-i Nišāpūri*. Tihrān; 1339/1960. (In Persian)

3. Lahuti L. G. (intr., transl., comment.) The Ilahi-nameh (Divine Book) by Farid ad-Din Attar (12th – 13th cent.) The Second Son. Discourse six. Stories 5–9. *Irano-Slavika*. 2006;(1):20–23. (In Russ.)

4. Lahuti L. G. Tales of love as a way of discussing philosophical truths (in Attar's poem "Ilahi-nameh"). In: Sineokaya Yu. V. (ed.). *Philosophical emanations of love*. Moscow: Izdatelskii Dom YaSK; 2018, pp. 508–529. (In Russ.)

5. Lahuti L. G. (intr., transl., comment.) A story about the virtuous wife from the *Masnavi* by Farid ad-Din Attar (beginning) *Sufii*. 2013;(16):38–43. (In Russ.)

6. Lahuti L. G. (intr., transl., comment.) A story about the virtuous wife from the *Masnavi* by Farid ad-Din Attar (end) *Sufii*. 2014;(17):39–45. (In Russ.)

7. 'Awfī's Muhammad. *Lubābu 'l-albāb* (part II). Ed. by E. G. Brown. London, Leiden; 1903. (In Persian)

8. Radūyānī, Muḥammad b. 'Omar. *Kitāb Tarcumān al-balāga*. Ahmed Ateş (mukaddime, haşiye ve izahlarla). Istanbul; Istanbul Üniversitesi Yayınlarından No. 395. Edebiyat Fakültesi Şarkiyat Enstitüsü; 1940. (In Persian; in Turkish)

9. Munavvar, Muḥammad b. M.-R. Šafī'ī Kadkanī (ed.). *Asrār al-tawḥīd*. Tihrān: Āgāh; 1367/1988. J. 1. (In Persian)

10. Ta'liqāt / Muḥammad b. Munavvar; Šafī'ī Kadkanī M.-R. (ed.). *Asrār al-tawḥīd*. Tihrān: Āgāh; 1367/1988. J. 2. (In Persian)

11. Jāmī, Nūruddīn 'Abdurrahmān. *The Nafahāt al-ons min hadhārat al-Qods, or the Lives of the Soofis by Mawlana Noor al-Dīn 'Abd al-Rahmān Jāmī*. Edited by Mawlawis Gholām 'Isa 'Abd al-Hamīd and Kabīr al-Dīn Ahmad, with a biographical sketch of the author, by W. Nassau Lees. Calcutta; 1859. (In Persian)

12. Hidāyat Rizā-Qulī Xān. *Majma' al-fuṣṣḩā*. Muẓāhir-i Muṣafā (ed.). Tihrān; 1339/1960. (In Persian)

13. Hidāyat Rizā-Qulī Xān. *Gulistān-i Īram, Bektāš-nāma*. Tihran; 1270/1853–54. (In Persian)

14. Dihxūdā A. A. *Luġat-nāma* (čāp-i avval az dawra-yi jadīd). Jild-i 1–14 [Encyclopaedic dictionary (first ed. of the new version). Vol. 1–14]. Tehran: Tehran University Publications; 1372/1993. Available at: <http://www.vajehyab.com/> (In Persian)

15. Prigarina N. I., Chalisova N. Yu., Rusanov M. A. *Hafiz. Ghazals in Philological Translation*. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2012. Part 1. (In Russ.)

16. Ferdowsi. *Shahnameh*. Banu-Lahuti C. B. (transl.); Starikov A. A. (comment.); Starikov A. A., Azer A. (eds.). 2nd ed. Moscow: Ladimir; Nauka; 1994. Vol. 3. (In Russ.)

17. Biruni Aby Rayhan. *Book of Instruction in the Elements of the Art of Astrology (Kitab at-tafhim li awa'il sina'a at-tangim)*; Rozenfeld B. A. and Ahmedov A. (transl.); Arends A. K. (ed.). Tashkent: Fan; 1975. (In Russ.)

18. Ferdowsi. *Shahnameh*; Banu-Lahuti, V. G. Berznev (transl.); Lahuti L. G. (comment.); Boldyrev (ed.). Moscow: Nauka; 1989. Vol. 6. (In Russ.)

19. Chalisova N. Yu. "Friend of lovers" by Sharaf ad-Din Rami on the Curl, Forehead and Eyebrow of the Beloved). *Vestnik RGGU*. 2000;(4):87–117. (In Russ.)

Лахути А. Г. Рассказ о дочери Ка'ба в поэме «Илахи-наме» персидского суфийского поэта 'Аттара
Ориенталистика. 2020;3(1):207–246

20. *Šayx Farīd al-Dīn Muḥammad 'Aṭṭār Nišābūrī. Tazkiratu-l-awliyā'* [Memorial of God's Friends]. Barrasī, taṣḥīḥ-i matn, tawzīḥāt va fahāris: duktur Muḥammad Isti'lāmī, čāpi 16. Tihrān: Zavvar; 1386/2007. (In Persian)

21 Muṣaffā Abū-l-Faẓl. *Farhang-i iṣṭilāḥāt-i nujūmī hamrāh bā vāzahā-yi kayhānī dar āi'r-i fārsī*. Tihrān; 1987. (In Persian)

22. Ferdowsi. *Shah-nameh*. A Critical edition of the text; Aliev R. M., Bertels A. E., Osmanov M.-N. O., Nushin A. (eds). Moscow: Nauka; GRVL; 1967. Vol. 5. (In Russ.)

23. Ferdowsi. *Shahnameh*; Banu C. (transl.); Starikov A. A. (comment.); Lahuti A. (ed.). 2nd ed. Moscow: Ladomir; 1993. Vol. 1. (In Russ.)

24. Šafī'ī Kadkanī M. R. Ta'līqāt. In: 'Aṭṭār, Farīd ad-Dīn. *Ilāhī-nāmeḥ*. Muqaddama, taṣḥīḥ va tā'līqāt Muḥammad Rizā Šafī'ī Kadkanī. Tihrān; 1388/2008. (In Persian)

25. Krachkovskii I. Yu. (ed.). *Qur'an*. 2nd ed. Moscow: Nauka; GRVL; 1986. (In Russ.)

Информация об авторе

Лахути Лейли Гасемовна, научный сотрудник Института востоковедения РАН; доцент Института лингвистики РГГУ, г. Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Layla Q. Lakhuti, Research Fellow at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy; Lecturer at the Institute of Linguistics (Russian State University of Humanities), Moscow, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 29 января 2020 г.
Одобрена рецензентами: 25 февраля 2020 г.
Принята к публикации: 4 марта 2020 г.

Article info

Received: January 29, 2020
Reviewed: February 25, 2020
Accepted: March 4, 2020